

Н.В. Николенкова (Москва, Россия)

**Об индивидуально-авторском значении лексемы «благоговение»
в русском литературном языке XVII века:
дополнение к историческому словарю**

Аннотация: В статье рассмотрено формирование индивидуально-авторского значения лексемы «благоговение» в ученом регистре церковнославянского языка второй половины XVII в. Для данного регистра характерно отношение к языку как объекту моделирования, что во многом и предопределяет поиск Епифанием Славинецким и Арсением Сатановским, переводчиками текста, разных стратегий перевода. В данном случае авторы используют прием создания нового значения для уже существующей в языковом арсенале лексемы – прием, который традиция описания истории лексики выделяет только для языка следующего столетия.

Ключевые слова: история русского языка, лексика памятников XVII в., индивидуально-авторское значение

N.V. Nikolenkova (Moscow, Russia)

**On the Individual Author's Meaning of the Lexeme "reverence" [blagogovenie] in
the Russian Literary Language of the 17th century:
Supplement to the Historical Dictionary**

Abstract: The article considers the formation of the individual author's meaning of the lexeme "reverence" in the academic register of the Church Slavonic language of the second half of the 17th century. This register is characterized by an attitude towards language as an object of modeling, which in many ways determines the search by Epiphany Slavinetzky and Arseniy Satanovsky, translators of the text, for different translation strategies. In this case, the authors use the technique of creating a new meaning for a lexeme already existing in the linguistic arsenal – a technique that the tradition of describing the history of vocabulary allocates only for the language of the next century.

Key words: history of the Russian language, vocabulary of monuments of the 17th century, individual author's meaning

Вторая половина XVII в. в большинстве историко-лингвистических работ рассматривается как период внутреннего распада системы церковнославянского языка, который в результате приводит к прекращению его использования как русского литературного языка и к формированию литературного языка нового типа. Исторические труды и работы в области культурологии описывают данный период как этап подготовки к прорыву в русской культуре начала XVIII в. В.О. Ключевский, к примеру, писал: «...русские люди XVII в. делали шаг вперед и потом останавливались, чтобы подумать, что они сделали, не слишком ли далеко шагнули» [Ключевский 1916: 463]. Важным следствием подготовительного периода историк считал понимание и осознание того, как много разных культурных явлений оказывается вне сферы внимания русских людей. Для характеристики второй половины XVII в. исследователями используются определения «канун Петровских реформ», «переходная эпоха» и другие.

Введение сегодня в лингвистический оборот новых текстов, созданных во второй половине XVII в., подтверждает именно вторую точку зрения: начиная с этого времени происходят определенные перемены в литературном языке Московской Руси – церковнославянском. В.В. Виноградов писал о двух тенденциях в письменности рассматриваемого периода: московские книжники стараются вернуть «чистоту славянской речи», стремясь к архаизации и искусственной славянщизне; параллельно, под влиянием киевской церковнославянской традиции, церковнославянский язык подвергается систематической нормализации и грамматикализации [Виноградов 1982: 10–12]. А.И. Соболевский на рубеже XIX–XX вв. предлагал для последней разновидности формулировку «ученый церковнославянский» [Соболевский 1903: 61]. Про «ученый регистр» церковнославянского языка, формирующийся как раз во второй половине XVII в., писал В.М. Живов; с его точки зрения «ученые» авторы постепенно вырабатывают собственный взгляд на церковнославянский язык «как на свою собственность», язык их текстов начинает восприниматься подобными авторами как язык «их собственной учености»; церковнославянский язык воспринимается «как объект ученого моделирования» [Живов 2017: 883].

Одним из текстов, представляющих этот ученый регистр, является сделанный Епифанием Славинецким и его товарищами в 1650–1660-х гг. перевод с латинского географического трактата «Атлас Блау» [Николенкова 2013; Николенкова 2015]. Атлас, содержащий и астрономические, и географические, и исторические сведения, был новым для читателей Московской Руси жанром (переведенные ранее космографии такой научной направленности, как Атлас Блау, не имели). Перед переводчиками стояла задача предложить читателю новую терминологию, в том числе научную, – и с этой задачей Епифаний Славинецкий и Арсений Сатановский справляются, опережая свое время и предугадывая во многом те принципы, которые лягут в основу формирования русской терминологии в середине XVIII в. [там же].

Помимо терминологической лексики, переводчики сталкиваются с необходимостью передать латинские лексемы, значение которых оказывается новым для потенциального читателя. Переводчики используют разные стратегии: транслитерацию, передачу латинизма более известным грецизмом, попыткой перевода и создания нового слова или словосочетания. В исключительных случаях мы можем столкнуться с приемом, обычно отмечаемым для XVIII в., когда переводчики используют уже известное церковнославянскому языку слово, несколько трансформируя его значение.

В качестве примера мы рассмотрим передачу Славинецким и Сатановским латинского *religio*.

ЛЕКСЕМА «РЕЛИГИЯ» В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

По данным этимологических словарей, слово «религия» появляется в начале XVIII в. Фасмер пишет, что впервые слово отмечено в 1705-1706 гг. и считает его заимствованием из латинского через польский язык [Фасмер]. Той же точки зрения придерживаются авторы других этимологических словарей, говоря о заимствовании лексемы из польского языка в Петровскую эпоху¹.

Национальный корпус русского языка фиксирует следующие ранние примеры употребления:

Протестантскую религию во Империи в прежнее состояние, как по Минстерскому договору (по которому король швецкой гарантом) надлежит паки привести («Гистория Свейской войны», первая четверть XVIII в.);

Того ради учинилъ ему Султанъ за то жестокой выговоръ, рассуждая такъ: чтобъ или весьма тово не писать или даннаго слова уже не возвращать, потому что Шведской Король чрезъ то лишился своей надежды, а вѣрность Оттоманскаго государства и *Мугамеданскія религи*и принуждена отъ того терпѣть (И.К. Таубертъ, перевод книги Готлиба Байера с немецкого языка, 1738 г.);

Он не поносилъ болѣе той *религии*, которой, такіе знатные люди, почитали за честь жертвовать все то, что за драгоценнѣйшее въ свѣтѣ почитается (перевод с французскаго повести С.В.Сен-Реала «Исторія о донѣ Карлосѣ» (1754 г.) [НКРЯ].

Активно используется лексема в текстах Д.И. Фонвизина, в историческом предисловии М.М. Хераскова к «Россиаде» (1771–1779): «Волтер начинает свою «Генриаду» убиением Генриха III, а оканчивает обращением Генриха IV из одной *религии* в другую». Еще один пример обнаруживается в разборе В. Тузова: «князь Димитрій Кантемиръ въ системѣ своей о *Магомеданской религии*...» (1769) [НКРЯ].

Анализ примеров, относящихся к XVIII в., показывает, что чаще всего лексема «религия» употребляется по отношению к чужим (и даже чуждым) вероисповеданиям («Римская *религия*, *религия* язычников, древние религии, отступники *религии*»; в «Историческом изображении жизни...» И. Голикова (1800) читаем о вымышлении «новыхъ въ Религіи Сектъ и Расколовъ» и под.) либо в обобщенном значении 'вера'. Второе частотно в текстах, противопоставляющих религиозные взгляды философским или научным:

Но надлежит только взглянуть на самих господ нынешних философов, чтоб увидеть, каков человек без *религии*, и потом заключить, как порочно было бы без оной все человеческое общество!» (из писем Д.И. Фонвизина П.И. Панину, 1778–1779 гг.);

Коперник умер спокойно в своем мирном жилище, но Тихо де Браге должен был оставить свой философский замок и отечество. Науки, подобно *религии*, имели своих страдалцев (Н.М. Карамзин «Письма русского путешественника», 1793 г.);

Если бы можно было извлечь его, например, из Мендельзоновых «Философических писем» или Иерусалемовой книги «О *религии*», то в первых осталось бы одно схоластическое мудрование, а во второй – обыкновенные догматы теологии; но, одушевляемые сим огнем, возвышают они душу читателя (там же) [НКРЯ].

Синонимом «религии», но только в контекстах «православная / христианская вера» может выступать лексема «благочестие»: «Производити восхотел от тьмы неверия ко свету христианскаго благочестія – и дарова Владимира» (Гавриил Бу-

¹ <https://gufo.me/dict/>

жинский, 1723); «...исповедуем и проповедуем, что она [мудрость. – Н.Н.] есть начало и истинный вождь к Закону и благочестию христианскому» (В.К. Тредиаковский, 1752) [НКРЯ].

Лексема «вера» выступает как гипероним: «Принесено его царскому величеству прошение мелетинской царицы Екатерины, что племянник ее Грузинские земли царевич Вахтанг Леонович пленен от персидского шаха, от которого усильственно принуждается, чтоб принял *их веру*, но он однако ж непоколебимо содержит *православную христианскую веру*, и за то он пребывает от шаха под великим гнетом и содержат его в вящей нужде и утеснении» (Петр I, 1715); «Сія домовица *Мусульманскія вѣры* надъ властями великаго властя и учителя Мусульманскаго закона...» (И.И. Лепехин, 1769); «За знатнѣйшую *вѣру* въ Азіи должно почитать *Магометанскую*, а впротчемъ находятся тамъ разныхъ законовъ Христіане, Жиды и Язычники» (Политическая География, 1758); Славный Ольгерд умер в 1377 году, не только христианином, но и схимником по убеждению его супруги, Иулиании, и печерского архимандрита Давида, приняв в крещении имя Александра, а в монашестве Алексия, чтобы загладить свое прежнее отступление от *Веры Иисусовой* (Н.М. Карамзин, История государства Российского, 1809–1820) [там же].

Малое распространение и небольшое число контекстов употребления заимствования «религия» стали причиной того, что в Словарь Академии Российской лексема не была включена – в оба издания [САР V: 113; САР2 V: 1034]. В значениях ‘мировоззрение, основанное на вере в сверхъестественные силы’ (современное толкование [БРЭ]), ‘вероисповедание’ и ‘православное вероисповедание’ употребляется «*вѣра*», представленная в САР [САР I: 1007–1032] обширным словарным гнездом, где есть такие примеры: *вѣрный* как ‘исповѣдующій Христіанскую вѣру; послѣдующій Христіанскому благочестію»; *вѣроотступникъ* – ‘тотъ, который отпалъ, отступилъ, отвергся отъ какого закона или вѣры»; *безвѣріе* – ‘непризнание никакой вѣры или закона»; *кривовѣрный* – ‘содержащій противныя православной церквѣ мнѣнія или обряды’ и т. д., демонстрирующие разные оттенки значения корня. Устойчиво лексема «религия» и образования от нее начинают употребляться лишь в XIX в.: в Словаре 1847 г. наряду с *религія* находим *религіозно, религіозность, религіозный*; само слово «религія» истолковано как ‘богочитаніе, вѣра въ Бога’ [Сл-1847 IV: 62]. Значение ‘вероисповедание’ фиксируется у лексемы «религия» в Словаре иностранных слов 1865 г. [Михельсон 1865: 543], там же можно встретить словарные статьи «религіозность» (‘набожность, благочестіе’), «религіозный» и «религіозы» в значении ‘в католической церкви монахи’ (в НКРЯ примеров употребления лексемы не зафиксировано).

Как сказано выше, в значении ‘православная вера’ (значение 2: «иногда берется за вѣру Христіанскую») может использоваться лексема «благочестіе» (с более широкой дефиницей ‘набожность, благоговеніе къ Богу’ [САР VI: 728]): «во всякомъ благочестіи и чистотѣ» (I Тим 2:2). Прилагательное «благочестивый» толкуется как ‘истинно набожный, благоговѣйный, имѣющій страхъ и любовь къ Богу’ [там же: 729]. Синонимом выступает *благоговѣніе* – «благочестіе, страхъ божій» [САР I: 160], однако примеров употребления в значении ‘какое-либо вероисповедание’ нами не обнаружено. Те же выводы содержатся в словаре XVIII в., где у лексемы «благочестіе» выделено значение ‘истинная, христианская вера, православие’, тогда как у лексемы «благоговение» такого значения нет [СлРЯ XVIII].

ВЫБОР ЕПИФАНИЯ СЛАВИНЕЦКОГО И АРСЕНИЯ САТАНОВСКОГО ПРИ ПЕРЕВОДЕ АТЛАСА БЛАУ

До начала работы над переводом Атласа Блау Славинецкий и Сатановский осуществляют перевод словаря Калепино и составляют латино-славянский и славяно-русский лексиконы [Німчук 1973]. В латинской части для перевода *religio*, *religiositas* выбраны две лексемы: *бл̄гочестіе*, *бл̄гоговѣніе*; *religios(us)* переведено как *бл̄гоче(с)тивъ*, *бл̄гоговѣнень* и только для слова «*religiose*» выбран один вариант – *бл̄гоче(с)тивъ* [там же: 349]¹. Отчетливой тенденции к выбору одного из двух композитов составители славяно-латинского лексикона не отмечают – в переводе на латинский лексем «благоговение» и «благочестие» используются практически одни и те же латинские слова и обороты: «Благоговѣніе. Religio. Pietas in deum. Благоговѣнный. Religios(us). Pius in deum(m). Благоговѣннѣ. Religiose. Pie. Благоговѣнствую. Religiose me gero in deum. Religione teneor. <...> Благочестивый. Pius. Religios(us). Religioni deditus. Благочестивѣ. Pie. Religiose. Благочествую. Pie colo deum». «Благочестіе. Pietas. In deum religio. Благочестивый. Pius. Religios(us). Religioni deditus. Благочестивѣ. Pie. Religiose. Благочествую. Pie colo deum» [там же: 426; 428].

Проводимый нами анализ перевода Атласа Блау в сопоставлении с лексиконами показывает, что Славинецкий и Сатановский могут повторять найденный в процессе создания лексиконов вариант перевода, а могут и находить новые решения. Ярким примером такого подхода является перевод лексемы «*geographia*»: в лексиконах переводчики предлагают поморфемный перевод и вариант «зе(м)леписание» [там же: 208], однако при работе над Атласом Блау им становится ясно, что данный вариант неудобен при создании связного текста, где употребляется не только существительное «*geographia*», но и производные от него слова. Результатом становится решение о транслитерации – так в русский литературный язык вводятся слова «география», «географ», «географический» [Николенкова 2015]; при этом ввод в оборот нового текста позволяет изменить словарную информацию и сдвинуть первое употребление слова «география» в русском языке с конца XVII в. на вторую половину XVII в. – как минимум на 40 лет.

При передаче лексемы *religio* переводчики должны были либо выбрать один из двух уже предложенных в лексиконах вариантов, либо искать иной подход (транслитерация либо создание нового слова путем поморфемного перевода). Транслитерацию латинизмов, как показывает наш анализ, Славинецкий и Сатановский используют реже всего (к примеру, таковым является термин «экватор»); более частотна в Атласе Блау передача латинизма грецизмом (например, «*peninsula*» в [Німчук 1973: 305] переведено как «островъ, водами обѣточе(н)», а в Атласе Блау авторы предпочитают вариант «херсонись», восходящий к греческому «*χερσόνησος*»).

Замена латинизма *religio* грецизмом, по всей видимости, показалась книжникам невозможной, так как латинская лексема не имеет полной параллели в греческом языке. Само слово, по мнению Лактанция и Августина Блаженного [БРЭ], восходит к приставочному глаголу «*religo*», тогда как греческие частичные синонимы обладают иной словообразовательной структурой (однокорневое «*θηρησκέια*» и композит «*εὐσέβεια*» в истории церковнославянских переводов с греческого передаются также композитами, чаще всего «благоверие», «благочестие», «право-

¹ Примеры из лексиконов даются в соответствии с орфографией издания, опускаются лишь знаки ударения.

верие» [Пичхадзе 2011: 182]). Переводчики (скорее всего, это решение Епифания Славинецкого) принимают решение использовать для перевода уже известный церковнославянизм, однако делают нетривиальный выбор.

Рассмотрим примеры из перевода первой части Атласа Блау (перевод выполнен Славинецким и сохранился в собрании ГИМ в рукописях Син. 779 – черновик, автограф переводчика; и Син. 19 – беловик, переписанный московским писцом¹).

Глава «Европа» содержит фрагмент, озаглавленный в латинском варианте *Status religionis* [Vlaeu 1645: 6], переведенный Славинецким как «Оустроение *бл(г)оговѣнія*». Далее в латинском перечисляются те вероисповедания, которые на середину XVII в. распространены в Европе:

Каволіческому блѣговѣнію прилѣпляются всѣ Італійсті князи; во(з)ображенному, еже наричуть, блѣговѣнію пріязнствуетъ Аггліійскій, Скотскій, и Гіберійскій Царь; прочая блѣговѣнія... Луѣранское, Калвінское, Аріанское, Самосатенское, Іудейское; Анаваптісти и т. д. (Син. 19, л. 22).

Сознательный выбор Славинецким лексемы «*благоговѣніе*» не основан на структуре латинского слова, что можно увидеть при переводе словосочетания «*reformatæ religioni*», где первое слово (включающее ту же приставку *re-*) переведено поморфемно – «во(з)ображенному» (в латинском лексиконе для перевода *reformatio* предложены варианты «презиждение, преображение [Німчук 1973: 348]). Как нам кажется, выбор варианта «*благоговѣніе*» свидетельствует о желании переводчика передать не структуру латинизма, а именно смысл его. Выбор же композита свидетельствует о понимании Славинецким взаимосвязи понятий «*religio*» и греческих лексем².

Приведем другие примеры из перевода Епифания Славинецкого. В главе «Ливония» латинский текст сообщает: «*in Livoniam adducto, latius religio Christi propagata*» [17. С. 16], в переводе «в Ливонію приведенны(м), широчае *блѣговѣніе* оумноженно» (Син. 19, л. 40); в главе «Унгария» рассказывается: «*Religionem Christianam amplexa est Hungaria tempore Regis Stephani*» [17. С. 31 б], т. е. «*блѣговѣніе* Хртіанское пріять Оунгарія вовемя царя Стефана» (Син. 19, л. 66 об).

Тот же вариант перевода вслед за старшим товарищем выбирает Арсений Сатановский во 2-м томе (рукопись из собрания ГИМ, Син. 780 и беловик Син. 112); в части, где речь идет не о христианстве, а о других религиях, например в главе о Монгольском царстве, раздел носит название: «*Incolarem divisio & religio*», т. е. «Населник(в) разделеніе и *блѣговѣніе*» (Син. 112, л. 189).

Выбор лексемы может быть связан еще с одним фактором. Получившие образование в Юго-Западной Руси, в Киевской школе, Славинецкий и Сатановский владели польским и украинским языками, что отражается в переводе Атласа Блау [Николенкова 2016]. Безусловно, они изучали лучшие филологические труды – грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого, а также Лексикон словенороський Памвы Берынды [Німчук 1961]. В последнем встречаются оба композита. Лексема «*блѣгочестіе*» имеет аналоги «бѣобойность, побожность, доброе ѿ Бѣу разумѣнье» [там же: 10]; «*блѣговѣніе*» соответствует вариантам «пріязнь, чисто(сть), боязнь, ѿбачно(сть), ѿпатрѣбно(сть), набоже(н)ство, побожно(сть)» и

¹ Примеры из рукописей даются гражданским шрифтом с максимальным сохранением орфографии оригинала, не переданы только диакритические знаки; графема «л» последовательно заменяется на «я», а «у» на «ю».

² Автор выражает благодарность Ирине Витальевне Тресоруковой и Ольге Михайловне Савельевой за обсуждение семантических связей описываемого латинизма и соотносимых с ним по значению грецизмов.

некоторым другим [там же: 7]. Таким образом, обе лексемы могут быть использованы как аналог польского «побожность» (*robożność*). В латинско-польских словарях в качестве аналога *robożność* указано *religiositas* [SLP]. Мы считаем, что Славинецкий и Сатановский принимают нетривиальное решение: они выбирают для передачи латинского термина *religio* один из возможных вариантов. Попробуем охарактеризовать их выбор.

ЛЕКСЕМЫ БЛАГОГОВЕНИЕ И БЛАГОЧЕСТИЕ В ИСТОРИЧЕСКИХ СЛОВАРЯХ XVII ВЕКА

Исторические словари включают словарные статьи «благоговение» и «благочестие». Оба композита фиксируются в церковнославянском языке с самого старшего периода: «благоговение» фигурирует в одном из ранних русских переводов с греческого – в Студийском Уставе XII в. [НКРЯ], самое раннее употребление «благочестие» также относится к XII в. [СлРЯ XI–XVII 1: 229]. Прилагательное «благоговенный» отмечено в раннем русском переводе Пролога как перевод греческого «εὐλαβής» [Пролог 2011: 38].

Словарь русского языка XI–XVII вв. определяет *благоговение* как ‘благочестие, богобоязненность’ [СлРЯ XI–XVII 1: 196] и приводит примеры употребления XVI–XVII вв.: «Иосифъ... благоговѣниемъ украсень» (Ж. Иос. Вол.); «благоговѣние имуть ко гробу Христову» (Арс. Сух.). Словарь также фиксирует словообразовательную вариативность, к примеру вариант «благоговѣинство» в Житии Нифонта XVII в. [там же].

Словари Нового времени и современные словари ищут и другие толкования к слову: ‘богобоязненность’, ‘религиозный трепет’, ‘глубочайшее уважение / почтение’. Последний вариант толкования появляется уже в Словаре 1847 г. [Сл-1847 I: 50]. Примеры употребления, найденные в НКРЯ, соответствуют этим значениям.

Лексема «благочестие» намного более частотна. В древнерусском корпусе НКРЯ она отмечена в 23-х вхождениях против двух для лексемы «благоговение»; в старорусском подкорпусе слово «благоговение» в принципе не находится. В [СлРЯ XI–XVII 1: 229] лексема «благочестие» истолкована как ‘благочестие’ – вероятнее всего, составители первых томов словаря хотели подчеркнуть неизменность значения лексемы в истории языка (у однокоренных слов фиксируется значение ‘набожный, благочестивый’)¹. В словаре XVIII в. фиксируется возможность выступать в значении ‘православная вера’, но в словарях XIX в. это значение исчезает, лексикографы возвращаются к значению ‘истинное почитание Бога, благоговение к Богу’ [Сл-1847 I: 59]; отсутствует значение ‘вероисповедание’ и по данным современных словарей.

Таким образом, если выстраивать историю слов «благоговение» и «благочестие» исходя из данных исторических словарей, то можно говорить о их синонимии уже с раннего периода использования в книжном языке, о тенденции к более широкому использованию слова «благочестие» и об отсутствии у одного из синонимов значения, соответствующего термину «религия».

История русской лексики XVII в. исследована на сегодняшний день очень неоднородно. В отличие от лексики XVIII в., которой посвящены отдельные работы (как советского времени, так и современные), идет работа над словарем языка

¹ О трудностях работы над историческими словарями и о многочисленных ошибках, особенно в первых четырех томах, вышедших в 1975–1977 гг. «поистине стахановскими темпами», подробно в [Крысько 2007: 110].

этого периода, лексика XVII в. описывается лишь в исследованиях, посвященных отдельным авторам или отдельным произведениям, а материалы памятников этого периода включаются в общий словарь, охватывающий семь веков. Этот словарь, к сожалению, не может показать историю лексики в диахронии, не отражает изменения значений в разные периоды и не может отразить индивидуально-авторские значения, реализуемые в своих сочинениях и переводах наиболее филологическими ориентированными книжниками, к числу которых относится Епифаний Славинецкий.

При переводе неизвестной русскому книжному языку латинской лексемы *religio* киевские книжники ориентируются, во-первых, на знакомый им польский аналог *obożność*, а далее из двух синонимичных лексем выбирают менее употребимую в русском языке XVII в. – лексему *благоговѣние*, формируя у нее индивидуально-авторское значение. Это значение не закрепилось в русском языке в том числе в результате слабой распространенности церковнославянского перевода Атласа Блау и не было подхвачено последующими переводчиками. Интересно, что менее чем через полвека один из переводчиков «Метаморфоз» Овидия с польского языка для передачи польского *obożność* выбирает лексему «благочестие»: *I nie była mniej wdzięczna o Auguście tobie obożność twoich* = И не менши прїятно тебѣ было *блѣгочестіе* твоихъ о Августе (по рукописи БАН П I Б. № 101, л. 49 об.¹). Этот пример еще в большей степени подчеркивает индивидуальный выбор Епифания Славинецкого и Арсения Сатановского, формирующих тем самым параметры моделирования ученого регистра церковнославянского языка.

ЛИТЕРАТУРА

Большая российская энциклопедия: bigenc.ru/religious_studies/text/3505105 (дата обращения: 30.04.2023).

Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. 3-е изд. М.: Высшая школа, 1982. 528 с.

Живов В.М. История языка русской письменности. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. 1286 с.

Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. III. 3-е изд. М., 1916. 564 с.

Крысько В.Б. Русская историческая лексикография (XI–XVII вв.): проблемы и перспективы // Вопросы языкознания. 2007. № 1. С. 103–118.

Лексикон словенороський Памви Беринди / Подг. текста и вст. ст. В.В. Німчук. Киев, 1961. 272 с.

Николенкова Н.В. Стратегии формирования церковнославянского языка как языка науки в XVII в. (на примере перевода Атласа Блау) // Славянское языкознание: XV Международный съезд славистов. Минск, 21–27 августа 2013 г. Доклады российской делегации. М., 2013. С. 590–609.

Николенкова Н.В. О слове «география» и его первом употреблении в истории русской письменности // Мир русского слова. 2015. № 1. С. 14–18.

Николенкова Н.В. К проблеме функционирования югозападнорусских регионализмов в церковнославянском тексте XVII в. // Beitrage zum 19. Arbeitstreffen der Europäischen Linguistik (Polyslav). Vol. 60. Wiesbaden, 2016. S. 200–207.

Німчук В.В. «Лексіконъ латинскій» та «Лексікон словено-латинскій» і їх місце в історії старої української лексикографії // Лексикон латинський Є.Славинецького. Лекси-

¹ Пример, включенный в доклад на заседании кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, любезно предоставлен нам Е.А. Матвеевко.

кон словено-латинський Є.Славинецького та А.Корецького-Сатановського. Київ: Наукова думка, 1973. С. 5–58.

Объяснение 25000 иностранных словъ, вошедшихъ въ употребленіе въ русскій языкъ / Сост. Михельсонъ. М., 1865. 718 с.

Пичхадзе А.А. Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2011. 408 с.

Славяно-русский Пролог по древнейшим спискам. Синаксарь (житийная часть Пролога краткой редакции) за сентябрь-февраль. Т. II: Указатели. Исследования. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2011. 856 с.

Словарь Академии Российской. Часть I–VI. СПб.: Императорская Академия наук, 1789–1794.

Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Часть I–VI. СПб.: Императорская Академия наук, 1806–1822.

Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1975– .

Словарь русского языка XVIII в.: feb-web.ru/feb (дата обращения: 30.04.2023).

Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии Наук. Часть I–IV. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1847.

Соболевский А.И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков. СПб., 1903. 944 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: gufo.me/dict/vasmer (дата обращения: 30.04.2023).

Sondel Janusz Słownik łacinsko-polski dla prawników i historyków. Kraków, 1997. xxx, 1004 s.

Theatrum orbis terrarum, sive Atlas novus in quo tabulae et descriptions omnium Regionum. Editae a Guiljele et Ioanne Blaeu. Amsterdami. Anno 1645.

REFERENCES

Great Russian Encyclopedia: bigenc.ru/religious_studies/text/3505105.

Vinogradov V.V. (1982) Essays on the History of the Russian Literary Language of the 17th–20th centuries. 3rd ed. Moscow. Vusshaya Shkola Publ. 528 p.

Zhivov V.M. (2017) History of the Language of Russian Writing. Moscow. Russian Foundation for the Promotion of Education and Science Press. 1286 p.

Klyuchevsky V.O. Russian History Course. Moscow. 1916. 564 p.

Krysko V.B. Russian Historical Lexicography (11th–17th centuries): problems and prospects. *Voprosy Jazykoznanija*. 2007. No 1, pp. 103–118.

Lexicon of Slovenian Pamvi Berindi / Prep text and introduc. by V.V. Nimchuk. Kyiv, 1961. 272 p.

Nikolenkova N.V. Strategies for the Formation of the Church Slavonic Language as the Language of Science in the 17th century (on the example of the translation of the Blaeu Atlas). In: Slavic Linguistics. XV International Congress of Slavists. Minsk, August 21–27, 2013. Reports of the Russian delegation. Moscow. 2013, pp. 590–609.

Nikolenkova N.V. On the Word “geography” and Its First Use in the History of Russian Writing. *The World of Russian Word Journal*. 2015. No 1, pp. 14–18.

Nikolenkova N.V. On the Functioning of Southwestern Russian Regionalisms in the Church Slavonic Text of the 17th century. In: Beitrage zum 19. Arbeitstreffen der Europaischen Linguistik (Polyslav). Vol. 60. Wiesbaden, 2016, Ss. 200–207.

Nimchuk V.V. “Latin Lexicon” and “Slovene-Latin Lexicon” and Their Place in the History of Old Ukrainian Lexicography. In: Latin lexicon of E. Slavynetskyi. The Slavic-Latin lexicon of E. Slavynetsky and A. Koretsky-Satanovsky. Kiiiv. Nukova Dumka Publ. 1973. 490 p.

Michelson Explanation of 25,000 foreign words that have come into use in the Russian language. Moscow, 1865. 718 p.

Pichkhadze A.A. (2011) Translation Activity in pre-Mongol Rus: Linguistic Aspect. Moscow. Manuscripts of Ancient Russia Publ. 408 p.

Slavonic-Russian Prologue according to the most ancient lists. Synaxarion (hagiographic part of the Prologue of the short edition) for September-February. Vol. II: Pointers. Research. Moscow. Publishing Center “Azbukovnik”. 2011. 856 p.

Dictionary of the Russian Academy. St. Petersburg. Imperial Academy of Sciences Press. 1789–1794.

Dictionary of the Russian Academy, alphabetically arranged. Part I-VI. St. Petersburg. Imperial Academy of Sciences Press. 1806–1822.

Dictionary of the Russian Language 11th–17th centuries. Moscow. Nauka Publ. 1975–.

Dictionary of the Russian Language 17th century: feb-web.ru/feb

Dictionary of Church Slavonic and Russian, compiled by the Second Department of the Imperial Academy of Sciences. Part I–IV. St. Petersburg. Printing House of the Imperial Academy of Sciences. 1847.

Sobolevsky A.I. (1903) Translated Literature of Muscovite Russia of the 16th–18th Centuries. St. Petersburg. 944 p.

Fasmer M. Etymological Dictionary of the Russian Language: gufo.me/dict/vasmer

Theatrum orbis terrarium, sive Atlas novus in quo tabulae et descriptions omnium Regionum. Editae a Guiljele et Ioanne Blaeu. Amsterdami. Anno 1645.

Сведения об авторе:

Наталья Владимировна Николенкова,
канд. филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Natalia V. Nikolenkova,
PhD
Associate Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
natanik2004@mail.ru